
В. Г. АНАНЬЕВ

ПИСЬМА К. Н. СЕРБИНОЙ А. И. АНДРЕЕВУ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

30 декабря 2008 г. исполнилось 105 лет со дня рождения Ксении Николаевны Сербиной,¹ а полгода спустя, 12 июня 2009 г., — ровно 50 лет со дня смерти Александра Игнатьевича Андреева.² Имена двух этих выдающихся историков не случайно упомянуты здесь через запятую: именно Александра Игнатьевича (наряду с М. Д. Приселковым) считала Ксения Николаевна одним из своих истинных учителей (так, например, 20.09.43 г. она писала ему: «Видимо, точки зрения на людей и их поступки у нас с Вами одни и те же, да это, впрочем, и не удивительно, т. к. хотите Вы этого или нет, но я все же Ваша ученица, может быть и не удачная, <...> но все же ученица»³), его памяти она посвятила две статьи, последнюю из которых так и назвала — «Из воспоминаний об учителе».⁴ Цепочку сближений можно продолжить и обратившись к биографиям ученых: учеба в Санкт-Петербургском (Петроградском)

¹ О К. Н. Сербиной см.: *Алексеев Ю. Г., Семенова Л. Н.* 1) Проблемы вспомогательных исторических дисциплин в трудах К. Н. Сербиной // ВИД. Л., 1985. Т. 16. С. 340–354; 2) Ксения Николаевна Сербина (1903–1990) // Отечественная история. 1992. № 3. С. 81–91; *Копанев А. И.* Ксения Николаевна Сербина (1904–1990) // АЕ за 1990 год. М., 1992. С. 323–324.

² Список печатных трудов А. И. Андреева см.: *Козинцева Р. И.* Чествование А. И. Андреева // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 494–501; *Лысенко Т. И.* Фонд А. И. Андреева в ЛО Архива Академии наук СССР // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 292–300. Подробный список литературы, посвященной А. И. Андрееву, а также список его трудов, дополненный и подготовленный И. Ю. Шундаловым на основании опубликованных работ Р. И. Козинцевой и Т. И. Лысенко, см. на сайте: http://qwercus.narod.ru/andreev_AI_bio.htm (ссылка последний раз проверялась 02.05.09 г.). Там же, вероятно, впервые вводимые в научный оборот материалы из студенческого дела А. И. Андреева: ЦГИА СПб., ф.14, оп.3, ед. хр. 65631.

³ ПФА РАН, ф. 934 (ф. А. И. Андреева), оп. 5, ед. хр. 311, л. 121 об.

⁴ *Сербина К. Н.* 1) Александр Игнатьевич Андреев // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII веков. М.; Л., 1960. С. 477–482 (Труды ЛОИИ. Вып. 2); 2) А. И. Андреев — ученый и педагог. (Из воспоминаний об учителе) // ВИД. Л., 1985. Т. 17. С. 357–363.

университете у «буржуазных» (по терминологии позднейшего времени) преподавателей (А. С. Лаппо–Данилевского и А. Е. Преснякова в случае Андреева, самого А. И. Андреева и М. Д. Приселкова у К. Н. Сербиной),⁵ работа в советских академических учреждениях (Постоянной историко-археографической комиссии АН СССР и др.), репрессии (Андреев был арестован в 1929 г. по Академическому делу и приговорен к 5 годам ссылки в Красноярский край, освобожден 26 ноября 1934 г.,⁶ К. Н. Сербину арестовали 11 мая 1938 г. и как «жену врага народа» приговорили «к заключению» в ИТЛ на 3 года», 11 ноября того же года постановление это было отменено⁷), возвращение к прежней работе (в том числе и в Ленинградском отделении Института истории СССР АН СССР), новые преследования в послевоенные годы (А. И. Андреев в 1947 г. обвинялся в «преклонении перед Западом» и «Лапподанилевщине», был вынужден вскоре покинуть Москву и вновь переехать в Ленинград,⁸ К. Н. Сербина же в 1953 г. попала в число «неблагонадежных» лиц, которых, в связи с упразднением Ленинградского отделения Института истории, было решено отчислить из Института, и вплоть до восстановления ЛОИИ в 1955 г. фактически находилась вытесненной из научной жизни⁹), наконец, оба они в свое время возглавляли Архив ЛОИИ.

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН хранится фонд А. И. Андреева (ф. 934), поступивший от вдовы ученого А. Я. Андреевой. Как отметила еще Т. И. Лысенко, первой описывавшая материалы фонда, «важной частью фонда является переписка (449 дел за 1935–1959 гг.), раскрывающая научные, деловые и личные связи ученого <...> Особого внимания заслуживают письма, написанные учеными в годы Великой Отечественной войны из блокированного Ленинграда и из эвакуации».¹⁰ О том же позже писала и К. Н. Сербина, так характеризуя архивный фонд историка: «В его составе находится большое количество писем ученых различных специальностей и отдельных учреждений, представляющих большой интерес как для истории исторической науки в военные и послевоенные годы, так и для характеристики интересов

⁵ См., например: *Сербина К. Н.* А. И. Андреев — ученый и педагог. С. 357, 360; *Алексеев Ю. Г., Семенова Л. Н.* Ксения Николаевна Сербина (1903–1990). С. 82.

⁶ См.: ПФА РАН, ф. 934, оп. 2, ед. хр. 23. Данные этих архивных материалов также использованы в электронной публикации И. Ю. Шундалова: http://qwercus.narod.ru/andreev_AI_bio.htm (ссылка последний раз проверялась 02.05.09 г.).

⁷ «Образ жизни ведет замкнуто». Арест и ссылка К. Н. Сербиной // «Что вы делаете со мной!» Как подвели под расстрел. Документы о жизни и гибели Владимира Николаевича Кашина / Сост., вступ. статья, примеч. Р. Ш. Ганелина. СПб., 2006. С. 215–226. Здесь — с. 223, 225.

⁸ См.: ПФА РАН, ф. 934, оп. 2, ед. хр. 24. Данные этих архивных материалов также использованы в электронной публикации И. Ю. Шундалова: см. выше, примеч. 2.

⁹ *Панях В. М.* Упразднение Ленинградского отделения Института истории АН СССР в 1953 году // Вопросы истории. 1993. № 10. С. 19–27.

¹⁰ *Лысенко Т. И.* Фонд А. И. Андреева в ЛО Архива Академии наук СССР. С. 300.

и взглядов самого Александра Игнатьевича». ¹¹ Вместе с тем материалы этого фонда и, в частности, эпистолярная его составляющая до сих пор отнюдь не полностью введены в научный оборот. Касается это и отложившихся в архиве писем А. И. Андрееву К. Н. Сербиной. Отчасти объяснить это можно объективными причинами (едва ли корректным было их использование при жизни автора, а скончалась К. Н. Сербина в 1990 г.), однако представляется, что сейчас, когда история исторической науки в России XX в. стала одним из магистральных направлений исследований, а эпистолярное наследие ученых (в том числе и относящееся к периоду 1941–1945 гг.) ¹² привлекает все большее внимание исследователей, обращение к данным материалам является вполне обоснованным. Настоящая работа — не более чем попытка первого приближения к теме.

В фонде А. И. Андреева сохранилось 169 писем и почтовых карточек, а также 4 телеграммы от К. Н. Сербиной (ф. 934, оп. 5, ед. хр. 311), датированных периодом с 21 сентября 1939 г. по 19 сентября 1958 г. Большая часть писем приходится именно на период 1941–1945 гг.: 91 письмо. Объясняется это, конечно же, тем, что с 1942 г. А. И. Андреев находился в эвакуации (сначала в Казани, а затем в Ташкенте), откуда перебрался на постоянное место жительства уже в Москву, бывая в Ленинграде лишь изредка. Личные встречи между учеными, таким образом, были в это время или вовсе невозможны, или крайне непродолжительны. И наоборот, переезд А. И. Андреева обратно в Ленинград сделал переписку фактически ненужной, и она свелась к коротким запискам случайного характера и открыткам, написанным во время отдыха на юге. О многом говорит сама интенсивность переписки военного времени: так, например, с 10 января 1943 г. по 15 февраля 1943 г. К. Н. Сербиной написано было 6 писем (почти каждое насчитывало несколько листов, исписанных убористым почерком), с 3 марта по 29 марта — 3 письма, а с 8 апреля по 18 декабря — 27 писем. Зачастую письма писались чаще, чем одно в неделю. Объяснение этому также легко найти в условиях военного времени: значительное число писем отправлено было не регулярной почтой, а с теми или иными «оказиями», когда кто-либо из общих знакомых или же коллег по академическим учреждениям получал командировку в Москву и мог лично передать письмо адресату, сама Ксения Николаевна писала, что жаль было бы упускать такую возможность. Регулярная почта работала не так уж и регулярно, письмо могло затеряться, и зачастую приходилось писать об одном и том же несколько раз, отсюда большое число

¹¹ *Сербина К. Н.* А. И. Андреев — ученый и педагог. С. 360.

¹² См.: Александр Ильич Копанев: Письма 1940–1945 годов // АЕ за 2005 год. М., 2007. С. 112–121; Из писем Николая Евгеньевича Носова (1942–1946 гг.) // Государство и общество в России XV–начала XX века: Сб. статей памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007. С. 557–589. Вместе с тем следует отметить, что в некоторых работах 1960-х гг., посвященных судьбе научных учреждений в военном Ленинграде, использовались данные устных сообщений К. Н. Сербиной. Так, см.: *Соболев Г. Л.* Ученые Ленинграда в годы Великой отечественной войны 1941–1945 гг. М.; Л., 1966. С. 131, 140.

почти дословных повторов в письмах. Наконец, в условиях отрыва от «большой земли», изоляции от коллег переписка с близким человеком помогала с чисто психологической точки зрения: 14.10.42 г. К. Н. Сербина писала А. И. Андрееву: «Я всегда рада помочь Вам и хоть таким образом, хоть немного отблагодарить Вас за ту заботу, которую Вы проявляли всегда ко мне лично, и за тот интерес и внимание, с которыми Вы следили за моими „учеными трудами“, начиная со студенческих лет» (здесь и далее в тексте указывается только номер листов ед. хр. 311, — л. 34), 17.11.42 г.: «Делиться же с Вами всем хорошим и плохим я так привыкла» (л. 41), 15.12.42 г.: «Ваши письма большая моральная поддержка для меня» (л. 44), 24.03.43 г., узнав о том, что А. И. Андреев начинает работу в московском Историко-архивном институте: «Лишиться общения с Вами большая утрата для меня, которая ничем не может быть компенсирована» (л. 63 об).

Представляется, что в данном случае вполне можно применить и определение, предложенное В. М. Панеяхом для переписки Б. А. Романова с Е. Н. Кушевой, которую он считает своеобразной заменой дневника Романова и частичным дубликатом его архива.¹³ Есть все основания полагать, что это как раз тот случай, который имела в виду В. Г. Вовина-Лебедева, когда писала, что отмеченный выше вывод ученого «можно будет в какой-то мере распространить и на некоторые другие сохранившиеся от этого времени (XX в. — В. А.) обширные корреспонденции».¹⁴ Условия, при которых сама жизнь К. Н. Сербиной (как и других жителей осажденного Ленинграда) находилась в постоянной опасности, диктовали необходимость постоянного поддержания этого эпистолярного диалога.

К началу войны К. Н. Сербина и А. И. Андреев являлись коллегами по ЛОИИ, регулярные встречи делали переписку необязательной, однако вскоре ситуация изменилась: «в связи с распоряжением НКФ о сокращении штатов ЛОИИ на время войны» с 16 августа из института было уволено 8 человек, в том числе и старший научный сотрудник К. Н. Сербина.¹⁵ Восстановиться в институте ей удалось лишь полгода спустя, 23 февраля 1942 г.¹⁶ В июле того же года Андреев уехал в эвакуацию сначала в Казань, а оттуда в Ташкент, К. Н. Сербина же на ставке старшего научного сотрудника института осталась в Ленинграде, после смерти 20 марта 1943 г. уполномоченной по делам Института М. И. Стеблин-Каменской приняла ее должность и оставалась в ней

¹³ Панеях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С. 8–9.

¹⁴ Вовина-Лебедева В. Г. Виктор Моисеевич Панеях // Времена и судьбы: Сб. статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха. СПб., 2006. С. 16–34. Здесь — с. 29. Определение «дневник» мы, конечно же, используем здесь в самом широком смысле, так как обстоятельства биографии и адресата и адресанта рассматриваемых писем никак не способствовали тому, чтобы они могли вести «настоящий дневник».

¹⁵ ПФА РАН, ф. 133, оп. 1(1941), ед. хр. 1, л. 85. (Отметим, что в документе напротив фамилии К. Н. Сербиной стоит галочка.)

¹⁶ См. ниже.

вплоть до возвращения из Ташкента институтской администрации. Она была единственным сотрудником института, «кто оставался на работе на протяжении всей блокады».¹⁷

Начиная с 17 июля 1942 г. на всех рассматриваемых письмах, отправленных регулярной почтой, появляется штамп «Просмотрено военной цензурой» (см.: л. 28 и далее).

Война, быт военного времени — одна из центральных тем переписки. Уже в начале войны в дом № 8 на улице Петра Лаврова, где жила К. Н. Сербина, дважды попадали снаряды, и она вместе с пожилыми родителями вынуждена была с 12 сентября переехать к знакомым, за город. 28.09.41 г. она писала об этом: «Здесь пока очень тихо, спокойно, и мои старики постепенно приходят в себя, после пережитого на улице Петра Лаврова. Без работы я страшно скучаю, хотя целый день занимаюсь копкой сельминного картофеля, рубкой дров и т. п. делами. Как долго проживу здесь, не знаю, но постараюсь пробыть здесь возможно дольше» (л. 18). А 16.10 добавляла: «Что касается картофеля, то я все время пытаюсь достать его, и пока ничего не достала. За ним ездят в Парголово, где и получают его в порядке обмена. В ближайшие дни собираюсь возвращаться в Ленинград, т. к. здесь делается холодно и неуютно» (л. 20). Не давало покоя и беспокойство о пожилых родителях: «Единственное, что несколько сдерживает меня, это необходимость заботиться, а следовательно, и жить для своих стариков, которые сейчас стали особенно беспомощны. Особенно досадно за отца, который совершенно оправился от своей болезни, но сильно страдает от голода <...> Мама до последних лет крепилась, теперь начала сдавать. Я совершенно устранила ее от всяких хозяйственных дел, которые теперь весьма примитивны, но достаточно хлопотны, тем более, что в доме не работает водопровод и т. д.» (19.01.42 г., л. 22–22 об.). Угнетало и отсутствие работы: «Если выживу, то с марта (когда немного потеплеет) хочу обязательно начать работать, служить, т. к. 1) кончаются деньги; 2) чувствую, что дичаю без общения с людьми. Сейчас от работы удерживает необходимость ходить пешком, которая, мне кажется, была одной из причин гибели Мешалина¹⁸ и вообще очень тяжела для истощенных людей» (тогда же, л. 23). Начало нового, 1942 г. не предвещало ничего хорошего. 8 февраля умер отец: «15.02 мне удалось похоронить его как следует, что дает некоторое удовлетворение и мне и маме.

¹⁷ Алексеев Ю. Г., Семенова Л. Н. Ксения Николаевна Сербина (1903–1990). С. 82.

¹⁸ Иван Васильевич Мешалин (1901–1941) — историк, коллега К. Н. Сербиной по ЛОИИ. Вместе они принимали участие в издании «Материалов по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX в.». Первый том вышел в 1935 г., а второй — в 1950 г. Об истории этих книг см.: Ганелин Р. Ш. В. Н. Кашин и его судьба // «Что вы делаете со мной!» Как подводили под расстрел. Документы о жизни и гибели Владимира Николаевича Кашина / Сост., вступ. статья, примеч. Р. Ш. Ганелина. СПб., 2006. С. 7–51. Здесь — с. 14–16. См. также: Алтатова В. Д. Обзор фондов ученых-историков, погибших во время блокады Ленинграда (По материалам Архива ЛОИИ СССР АН СССР) // АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 242–254.

Ужасно досадно, что человек, выцарапавшийся из тяжелой болезни, перенесший ужасы бомбежки и самое тяжелое время в отношении голода и холода, умирает от воспаления легких, подхваченного им в нашей не-топленной ванной комнате, где он упорно совершал свой утренний туалет. Очень тяжело и обидно...» (23.03.42 г., л. 24). 4 июня пришли новости о предстоящей эвакуации института в Казань, и находившаяся на трудовых работах в Новой Деревне К. Н. Сербина спешно, на обрывке карты пишет записку А. И. Андрееву с просьбой узнать: эвакуируется ли институт с сотрудниками? Каковы сроки? Условия работы в эвакуации? Какова будет судьба сотрудников, оставшихся в Ленинграде? Там же описывает она и условия трудовых работ: «(1) ежедневно приходится делать 10 км, 2) с 6 утра (уход из дома) и до 8 вечера (приход домой) сажу без еды и <...> (нрзб) даже без хлеба, которого не всегда хватает на все бригады. Питание совершенно не организовано. Не знаю, как выдержу ходьбу и отсутствие питания. С тоской вспоминаю лагерную организованность и порядок» (4.06.42 г., л. 26). Хотя и не такая страшная, как в первую блокадную зиму, проблема питания продолжала оставаться актуальной для жителей Ленинграда, в июле 1942 г. К. Н. Сербина писала: «Чувствую себя неважно, т. к. работаю много, совершенно не бываю на воздухе и плохо питаюсь. К сожалению, снова начала тошнить <...> В Ленинграде много грибов и ягод, но они совершенно не доступны — 30 рубл. стаканчик или 50 р. 100 грамм. Овощи — листья капусты, свекла, турнепс изредка бывают в кооперативах, но оч. скверного качества, поэтому я каждое воскресенье езжу за ними к Сельме, а однажды под руководством Варвары Николаевны¹⁹ ездили на Ржевку в колхоз, где за 4 часа работы получили 2 кило свеклы, капустных листьев и т. п. зелени. Такие экспедиции надо было бы наладить, но совершенно нет времени» (16.08.42 г., л. 30). Работа по привидению в порядок дел института чередовалась с трудовыми работами (ломкой старых деревянных домов в районе Новой Деревни), и иногда подавленное настроение давало себя знать на письме: «...и физически и психически временами чувствую, что вторую зиму в Ленинграде мне, а особенно маме, не выдержать. Поэтому иногда (и чем дальше, то тем чаще) страстно хочется вырваться отсюда, увидеть снова нормальных людей, нормальную жизнь, да еще под ярким, теплым небом юга, к которому меня всегда влекло <...> Материальное положение научных работников нис-

¹⁹ Варвара Николаевна Смирнова (1859–1943) — научно-вспомогательный сотрудник института, занималась первоначальной подготовкой материалов для издания (снятие копий с документов, подготовка легенд и т. д.). О ней см.: ПФА РАН, ф. 133, оп. 3, ед. хр. 108 (личное дело). О ее смерти К. Н. Сербина писала А. И. Андрееву: «Сегодня ночью скоростно умерла Варвара Николаевна, видимо, от сердечного припадка. Легла спать и во сне умерла. Я видела ее несколько дней тому назад. Она произвела на меня кошмарное впечатление своей худобой и совершенно затухшим, мертвым взглядом всегда таких живых глаз. На мой вопрос, почему она так плохо выглядит, она мне сказала, что питается хорошо и чувствует себя хорошо, но вид зависит от склада лица <...> Я ее очень любила за добрый, отзывчивый нрав <...> Итак, ушел еще один из добрых товарищей» (15.02.43 г., л. 62).

колько не улучшилось, обещанного спецпайка или безвырезных обедов не дали» (30.09.42 г., л. 31 об.—32). После того как мать была определена в стационар для истощенных, она писала: «Снова, через 16 лет, я осталась в своей комнате одна, но какая разница! Тогда я была молода, здорова, полна радужных надежд (в то время я только что окончила Университет и начала работать в А.Н.), вся жизнь была еще впереди, а теперь — большая часть жизни уже прожита и прожита не так, как бы хотелось, из близких людей осталась лишь только мама, которую я так безумно боюсь потерять, и никаких перспектив. Очень тоскливо, но все же надеюсь, что через несколько дней я возьму себя в руки <...> и сначала отвлекусь физической работой (работами по подготовке к зиме), а затем засяду за писание своей работы» (17.11.42 г., л. 40). Вместе с тем определенные позитивные изменения в жизни осажденного города все же присутствовали: «Материально в этом году (ср. декабрь 1941 и 1942 г.) живется несравненно лучше всем и в частности мне, т. к. я, как и все научные работники, имеющие ученую степень, имею 2 рабочих карточки, кроме того, рацион более обилен» (тогда же, л. 44). Должны были даже дать электричество, однако: «Увы! <...> на нашей улице оно отпущено только трем домам» (тогда же, л. 45 об.). Наконец 19 января 1943 г. пришла радостная весть о прорыве блокады: «16 месяцев осады! Стоило столько выстрадать и пережить ради того, что переживаешь в настоящий момент <...> Устоять, остаться в Ленинграде, когда все тронулись в путь, стоило мне колоссального напряжения нервов, но нервы не подвели, я выдержала и сегодня могу сказать твердо, что не ошиблась в своем решении» (л. 51). Положение, однако, по-прежнему продолжало оставаться тяжелым: весной 1943 г. сотрудникам АН были выделены участки земли для огородничества, но и здесь не обошлось без проблем: «Теперь много времени будет уходить на огороды <...> обрабатывать участок земли является священной обязанностью каждого ленинградца <...> Завтра собираемся сделать первую вылазку — будем делить землю. В АН все делается нелепо, уполномоченным отведено по 2 участка земли, один в Парголово, а другой в Ботаническом саду, вероятно, для того, чтобы сэкономить наши силы и энергию!» (5.05.43 г., л. 69 об.). Давали о себе знать и вражеские войска: «В течение апреля, особенно в последнюю неделю, нет покоя от немцев и артобстрелов, все это оч. нервнует и не дает возможности нормально выспаться, отдохнуть» (18.04.43 г., л. 81). Все же, несмотря на продолжающуюся войну и неснятую блокаду, жизнь в осажденном городе набирала обороты, в июне 1943 г. К. Н. Сербина уже могла написать: «Я сейчас дико занята — целый день и каждый день бываю в институте, кроме институтских дел имею ряд ответственных поручений по А<кадемии> Н<аук>, главным образом по выявлению и подсчету мат<ериального> ущерба, нанесенного А<кадемии> Н<аук> немецко-фашистскими захватчиками; затем учусь в школе МТВО, как санитарструктор; затем консультирую одну выставку; кроме того, имею 2 огородных участка, один в Парголово — 100 м уже вскопано, но не засеяно, на днях посажу там капуст-

ту и брюкву, а второй в Ботаническом саду — 50 м, здесь уже посеяна и всходит свекла трех сортов, морковь, турнепс, репа, редька, редис, салат, укроп, огурцы, лук, картофель (рассада, не знаю, что получится), сегодня должна посадить рассаду капусты. На огороде работаю с увлечением, т. к. в Ботаническом саду сейчас чудесно, цветут яблони, сирень, каштаны, тюльпаны, нарциссы, фиалки, ландыши и многое другое. Аромат дивный. Здесь невольно отдыхаешь душой, забываешь о проклятой войне и о тяжелых потерях. Иногда вожу с собой в Ботанический сад маму, ей здесь очень нравится <...> Работа на огороде меня не утомляет» (04.06.43 г., л. 72). Выставка, о которой К. Н. Сербина упоминает в этом письме, была организована Ленинградским военным управлением на тему «Петербург–Петроград–Ленинград никогда не был и не будет в руках врага», и хотя дело это (организация выставок) было для нее новым, отказаться от него она не могла: «1) я представляю „лицо института“, 2) единственный в Ленинграде историк» (18.04.43 г., л. 83 об.). Подводя некоторые итоги событиям конца весны 1943 г., она писала: «Ежедневные возвращения домой под звуки интернационала, рискуя заночевать в милиции, грязная, усталая, некогда ничего сделать по дому — постирать, заштопать и т. д. <...> Апрель–май были очень тяжелыми из-за ежедневных (и по несколько раз в день иногда) бомбежек и артобстрелов. Много новых разрушенных зданий и жилых домов, следовательно, и человеческих жертв. Все это очень утомляло и нервировало <...> вчера дневная тревога заставила меня шлепать из Шувалова пешком почти до самого дома. Когда все это кончится? Все так устали, издергались, все так жлут и жаждут гибели немцев...» (13.06.43 г., л. 95–95 об.). Но война продолжалась, в переписке оказались зафиксированы такие, например, бытовые сценки того времени: «...вчера у меня украли весь картофель в Ботаническом саду, все 60 кустов. После воров собрала всего 1 кг. Мелкого, мелкого картофеля. Боюсь, что та же участь постигнет морковь и свеклу. Было обидно, т. к. на свои овощи я очень рассчитывала, да и сил физических вложила в это дело немало» (28.08.43 г., л. 118). Ситуация с официальным снабжением все же улучшалась: «С 1.09 я получаю сухой паек и литературный обед по литере „Б“. Все беру в сухом виде. Теперь мы с мамой сыты. Если бы не жестокие артобстрелы, то наша жизнь была бы нормальной» (20.09.43 г., л. 122). Но даже и в декабре 1943 г. она еще констатировала: «Блокада со всеми ее прелестями все еще не снята» (03.12.43 г., л. 136 об.). Вместе с тем подошел январь 1944 г., вот пространная цитата из письма от 27.01.44 г., описывающая тогдашнюю ситуацию, пожалуй, лучше любого комментария: «С 15.01 живу в лихорадочном возбуждении. Могучие удары орудий Балтийского флота, прозвучавшие впервые утром 15 января, наполнили горячей радостью и надеждой сердца ленинградцев. Под залпы орудий я как раз шла в БАН на очередное суточное дежурство и дежурила там сутки. Затем последовало нетерпеливое ожидание первых известий с Ленинградского фронта. Нервное напряжение достигло предела. Сводка от 18.01 принесла первую радостную весть (с которой

Б. Д.²⁰ поздравил меня телеграммой, полученной 19.01. утром — трогательно?), а затем одна радостная весть пошла за другой.

Представляете себе нашу радость и гордость! Мне страстно хотелось выжить, дожить до радостного часа нашей победы. А теперь хочется работать и работать <...> Не могу не гордиться тем, что у меня хватило выдержки остаться в Ленинграде <...> пережить вместе с героическим городом все муки голода, холода, бомбежки и обстрелов, но зато и дожить до того момента, когда пробил час расплаты для кровавых палачей и час радости для нас. Пишу Вам во время дежурства в БАН. Мне исключительно везет — во время моего дежурства не было ни одного налета, ни одной бомбежки и обстрела, но зато радио всегда во время дежурства моей бригады принимает вести о наших блестящих победах. Чует мое сердце, что и сегодня моя бригада отличится» (л. 141 об.—142 об.). И приписка: «Предчувствия мои оправдались — пишу под гром орудий. Ленинград сашутует. Жалею, что дежурю и не могу выйти из здания БАН, вероятно, на Неве, Марсовом поле очень красиво.

Сегодня не мы, а Москва слушает Ленинград. Страшно хочется на улицу» (л. 143 об.). С этого времени военная тематика почти пропадает со страниц переписки, давая о себе знать лишь изредка. Как, например, в этом письме от 7.03.45 г.: «Пишу под дикий артобстрел. Снаряды бьют и рвутся совсем близко. Один из них попал в Архив АН, а другой в Зоологический институт. Люди не пострадали. Несколько упало в воду перед АН, поэтому, несмотря на то что обстрел продолжается, сотрудники АН и другие граждане вылавливают из Невы оглушенную рыбу. Некоторым удалось вынуть много. Пошла бы и я, но надо дописывать письма <...> Не можете себе представить, как эти обстрелы утомили и измучили. Когда же все это окончится? Какая тут реэвакуация?» (л. 184—184 об.). Реэвакуация академических учрежде-

²⁰ Борис Дмитриевич Греков (1882–1953) — академик, тогда директор Института истории СССР АН СССР. Именно благодаря его стараниям К. Н. Сербина и была освобождена уже в ноябре 1938 г. См.: *Ганелин Р. Ш.* В. Н. Кашин и его судьба. С. 49–51. О нем см.: *Горская Н. А.* Борис Дмитриевич Греков. М., 1999; *Дубровский А. М.* Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005. С. 653–671 и др. Под его редакцией в 1930–1934 гг. выходили некоторые из первых археографических трудов К. Н. Сербиной в серии «Крепостная мануфактура в России», ими совместно с В. Г. Гейманом, Н. С. Часвым и Р. Б. Мюллер были разработаны «Правила издания документов XVI–XVII вв». См.: Проблемы источниковедения. М.; Л., 1936. Сб. 2. С. 315–331. В письмах А. И. Андрееву К. Н. Сербина называла Б. Д. Грекова (представляется, определено иронично) «моим учителем» и нередко критиковала его научные методы, в частности, «потребительский подход к источнику» или «легкомысленное отношение к источнику» (см., например: письмо от 20.09.43 г., л. 122). Критичным было и ее отношение к Грекову как к человеку. Р. Ш. Ганелин вспоминает, как, комментируя выступление Б. Д. Грекова в защиту ее супруга, В. Н. Кашина, К. Н. Сербина заметила, что такое выступление «было не в его характере». См.: *Ганелин Р. Ш.* В. Н. Кашин и его судьба. С. 38. Вместе с тем надо констатировать, что на фоне значительно более резких характеристик других коллег, встречающихся в письмах, высказывания по адресу Б. Д. Грекова носят скорее ироничный характер. К. Н. Сербина упрекает его в слабхарактерности, а в то же время рассказ о торжествах по случаю его 70-летия выдает безусловную, хотя и несколько снисходительную, симпатию к «учителю».

ний тем временем продолжалась. Приехал в Ленинград и сам Андреев, здесь он встретил 9 мая, так что события дня победы не нашли отражения в переписке.

Другая важная тема переписки — историческая наука, в первую очередь — известия о научной деятельности самой К. Н. Сербиной. К началу войны она была старшим научным сотрудником ЛОИИ, в 1935 г., без защиты диссертации, ей была присуждена степень кандидата исторических наук.²¹ Она много и плодотворно работала в области археографии и исторической географии, принимала активное участие в подготовке томов серии «Крепостная мануфактура в России», составляла карты для «Материалов по истории крестьянского движения» и «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера. Всего за период с 1930 по 1941 г. при ее участии было подготовлено порядка 14 изданий. Однако монографических, исследовательских работ среди опубликованных трудов не было. Вместе с тем в рукописном варианте (в той или иной степени полноты) они, вероятно, уже присутствовали. К 1941 г. оформились три основных направления ее дальнейших исследовательских изысканий: история Тихвинского посада, Книга Большого чертежа и Архангелогородский летописец. Над ними продолжала она работать и в условиях блокады. Письма А. И. Андрееву позволяют уточнить основные этапы этой работы.

Следует отметить, что само решение остаться в Ленинграде и отказаться от эвакуации во многом было продиктовано именно решимостью продолжать научную работу: «Я и Мария Ивановна²² пока твердо решили остаться в Ленинграде <...> Лично для меня решающим моментом была невозможность продолжать научную работу вне Ленинграда» (16.08.43 г., л. 29). Блокадные условия, конечно же, делали эту работу чрезвычайно трудной: текущие дела в институте, отсутствие электричества, наконец, невозможность обсудить написанное и продуманное с кем-нибудь, кто разделял бы твои интересы, иногда приводили в отчаянье: «Моя же специальность в современных ленинградских условиях кажется мне совершенно ненужной, лишней, и я часто делаю над собой усилие, чтобы продолжать свои занятия Тихвином» (30.09.42 г., л. 31 об.), «Вся беда в том, что абсолютно не с кем поделиться своими мыслями, нет ни учителей, нет товарищей, нет отца, который живо интересовался и сочувствовал моей работе» (15.02.43 г., л. 60). Вместе с тем работа продолжалась.

К изучению социально-экономической истории Тихвинского посада К. Н. Сербина приступила еще в середине 1930-х гг.,²³ по совету Б. Д. Грекова: «Эта тема явно роковая для меня, вероятно, потому что

²¹ Алексеев Ю. Г., Семенова Л. Н. Ксения Николаевна Сербина (1903–1990). С. 82.

²² М. И. Стеблин-Каменская.

²³ О том, что к началу войны работа продолжалась, можно судить по некоторым отчетам К. Н. Сербиной. Так, например, в отчете за 1940 г. значится: «Июнь–декабрь. — Тема „Город“ — проработан материал 5 картонов актового материала 17 в. и обработано 50 таможенных книг Тихвинского фонда». См.: ПФА РАН, ф. 133, оп. 1, ед. хр. 1575, л. 3.

подсказана Б. Д.» (15.12.42 г., л. 45 об.), «Я сейчас снова интенсивно работаю над Тихвином, но не всегда верю, что судьба позволит мне довести эту работу до конца, т. к. эта тема очень несчастливая для меня — как только я начинаю работать над ней вплотную, так обязательно в моей жизни происходят какие-либо тяжелые события, прерывающие мою работу на долгий срок, так было в 1938,²⁴ 1941 г. Но сейчас я полна тихвинскими мыслями, много думаю, читаю, пишу». Первая блокадная зима, самая тяжелая, была в то же время чрезвычайно плодотворной с точки зрения работы над темой: «Осенью, зимой — в голод, в холод, в темноту я ни на минуту не оставляла работу и немало написала» (30.09.42 г., л. 32), после восстановления же на работе в институте на первый план вышли текущие дела по приведению в порядок канцелярии и архива ЛОИИ, и на «Тихвин» не оставалось времени: «Научная работа, ради которой я осталась в Ленинграде, обрекая себя и маму на лишения, была прервана в течение теплых и светлых месяцев, на которые я так рассчитывала, ни на шаг не продвинулась вперед. Теперь мне заново надо входить в нее» (Там же); «Лето с его теплом и светом ушло лично для меня зря <...> даже ничего не прочла. [Все] ушло на работу, которую никто не поймет и не оценит» (14.10.42 г., л. 35 об.). Осенью того же 1942 г. К. Н. Сербина так описывала свои научные планы: «Сейчас стараюсь наверстать потерянное время и запоем просматриваю те документы, которые еще не успела просмотреть, хочу до холодов и темноты покончить совершенно с просмотром архивных дел для того, чтобы осенью и зимой только писать, если к тому будет хоть какая-нибудь возможность» (30.09.42 г., л. 32). В середине ноября она добавляла, что надеется в ближайшее время засесть за работу, «которая с 12 июля лежит без движения», работать над диссертацией в институте не получалось из-за холода и обилия текущих дел (17.11.42 г., л. 40–40 об.). Еще и в декабре того же года она констатировала: «С момента отъезда товарищей, т. е. с 12 июля, я не только не написала ни одной строчки, но даже не прочла ни одной страницы <...> Хотя я и ярко выраженный дистрофик, но вкус к работе, к общению с людьми не потеряла, м. б. даже наоборот, и то и другое на почве дистрофии у меня как-то особенно обострено» (15.12.42 г., л. 43–43 об.). Узнав о возможном включении электричества в доме, Сербина писала: «Надеюсь использовать его для писания своей диссертации. Назло всему и всем я все же напишу ее» (тогда же, л. 45 об.). Так и случилось: с января 1943 г. все чаще и чаще в письмах встречается фраза «начала работать над Тихвином». 10.01.43 г. она просит А. И. Андреева прислать ей из Москвы выписки из писцовых книги 1620 г., необходимые для работы над главой о формировании населения Тихвинского посада (л. 49 об.), а 19.01 констатирует: «Начала работать над Тихвином, но, к сожалению, работаю урывками, т. к. ежедневно хожу (чаще всего пешком) в институт, на что

²⁴ Имеется в виду арест.

уходят все немногочисленные еще светлые часы, а писать по вечерам при копилке очень тяжело» (л. 52). К февралю 1943 г. работа вновь набирает прежние обороты: «Но сейчас я полна тихвинскими мыслями, много думаю, читаю, пишу» (15.02.43 г., л. 60), «Страшно хочется работать» (3.03.43 г., л. 57 об.). К 15.02 готовы были уже глава об ученичестве в русском городском ремесле XVII в. (написанная в 1942 г.) и глава о натуральных повинностях тихвинских посадских людей, началась работа над главой о борьбе посадского населения с монастырем («Эта глава самая интересная, живая»), параллельно, в институте, шла работа и над главой об участии города в борьбе со шведской интервенцией начала XVII в. Тогда же ею формулируются основные задачи исторического исследования и дается критика собственной работы: «Вероятно, большим недостатком моей работы будет то, что отдельные темы я разрабатываю отдельно, поэтому каждый сюжет является совершенно самостоятельной главой-работкой, в процессе работы это очень устраивает меня, но в большой работе это несомненно плохо скажется <...> исторический труд должен воспроизводить жизнь, которая является клубком, а не параллельно идущими линиями, но в процессе работы клубок приходится распутывать по нитке и каждую из них вытягивать» (15.02.43 г., л. 60 об.). К концу марта не без некоторого «давления» со стороны А. И. Андреева (ср.: «Вы требуете ответа на вопрос о том, что я собираюсь сделать из Тихвина — очередную большую работу или докторскую диссертацию») составлен был и общий план будущей диссертации, в целом затем и воплощенный в жизнь. План сопровождался следующим замечанием: «Должна сказать, что работа над Тихвином, отнявшая уже лет 10 моей жизни, все же не моя любимая тема. Моя душа больше тяготеет к другим темам — летописи и историко-географическим сюжетам и вообще к темам такого рода, где м. б. бы развернуться, анализируя источники, Тихвин же принадлежит к темам более описательного характера, исследовать источники совершенно не приходится <...> Досадно, что столько лет, и притом лучших лет жизни, ушло и уходит на тему, к которой не лежит душа, но, затратив столько сил, энергии, собрав столь богатый материал, жаль не довести ее до конца» (29.03.43 г., л. 64 об.–66). В апреле–начале мая работа вновь остановилась: «В течение последнего месяца абсолютно не работала для себя, что страшно удручает меня» (5.05.43 г., л. 69). Лишь 18.04 с оказией А. И. Андрееву для передачи в «Исторические записки» были отправлены две работы: о «Книге большого чертежа» и об ученичестве в русском городе²⁵ (л. 83). Критическая реакция на них А. И. Андреева огорчила К. Н. Сербину: «Мысли у меня есть, работать над документом — подойти к нему критически и выжать из него все возможное я, кажется, умею, но выразить все это письменно, так, чтобы это было понятно всем, я не умею. Как Вы думаете — происходит ли это от того, что я ма-

²⁵ Впоследствии опубликована как: *Сербина К. Н.* К вопросу об ученичестве в ремесле русского города XVII в. // *Исторические записки*. М., 1946. Т. 18. С. 150–168.

ло писала или от какого-то врожденного недостатка? Как Вам кажется — выработается ли это умение со временем или мне никогда не начать писать удобопонятно?» (31.07.43 г., л. 103), «Вопрос о моем стиле очень волнует и беспокоит меня. Дело лишь в стиле или во внутреннем содержании? Напишите прямо» (15.08.43 г., л. 109). Наконец, к концу августа новый творческий кризис был, кажется, преодолен: «Хочу снова взяться за Тихвин, т. к. думаю, что главный мой порок это стиль, а не отсутствие здоровых и иногда м. б. интересных мыслей. Весь август я терзаюсь и колеблюсь по этому поводу <...> Что думаете Вы по этому поводу и считаете ли возможным для меня продолжать мою научную работу?» (20.08.43 г., л. 111 об.–112, о том же — 23.08.43 г., л. 113). И вновь, уже в октябре 1943 г., рассказывая о работе над главой, посвященной борьбе Тихвина со шведской интервенцией, формулирует она свое исследовательское кредо: «Работаю над этой главой без всякого увлечения, т. к. такого рода работы меня не удовлетворяют, потому что для написания их совершенно не надо проделывать большую работу над источником. Здесь бери источник и рассказывай своими словами, как было дело. По-моему, в таких работах нет даже исследовательского момента. Мне нравятся лишь те работы, где в основе лежит большая предварительная работа над источником. Здесь не могу не вспомнить Б. Д.,²⁶ как он может работать, занимаясь в сущности списыванием и фантазированием? Ему больше, чем кому-либо другому, чужда работа над источником. У него, по-моему, какое-то органическое отвращение к ней, а ведь историк, мне кажется, может быть настоящим мастером своего дела только тогда, когда он в совершенстве владеет техникой исторического исследования, т. е. умеет работать над источником» (4.10.43 г., л. 128–128 об.). Параллельно с работой над новыми главами диссертации переработке подвергались и части, написанные ранее, так, к декабрю 1943 г. переделана была работа об ученичестве: «Интерес моей работы, как мне кажется, в том, что благодаря сохранившимся материалам сухие нормы договорных записей могут быть наполнены фактами живой действительности, сохранившимися в материалах судебных дел между учениками и их учителями» (18.12.43 г., л. 138 об.). Впрочем, еще и в ноябре следующего, 1944 г. переработка уже, казалось бы, готового материала продолжалась: планируя визит в Москву, К. Н. Сербина писала, что привезет с собой «статью об ученичестве», «если успею закончить» (5.11.44 г., л. 157–157 об.). А в конце декабря заключала: «Дома, вечерами переработала статью об ученичестве <...>, прочту на группе, и если С. Н.²⁷ не будет ругать, пошлю ее Вам, м. б. Вы про-

²⁶ Б. Д. Греков.

²⁷ Сигизмунд Натанович Валк (1887–1975) — историк, в 1938–1939 гг. исполнял обязанности заведующего ЛОИИ. С ним К. Н. Сербину связывали непростые отношения. Так, она была крайне удивлена тем, что в своем докладе, сделанном на заседании института 3 апреля 1943 г. (в Ташкенте), он приписал Б. Д. Грекову заслугу составления новых принципов публикации летописей, на самом деле принадлежавших учителю К. Н. Сербинной, М. Д. Приселкову. См.: письмо от 13.09.43 г., л. 119–120 об. О Валке см.: *Чертуха В. Г.*

смотрите ее и передадите Будовницу,²⁸ о ней я с ним договорилась» (23.12.44 г., л. 162 об.). Возвращение из эвакуации института, оживление его деятельности, административная работа все больше и больше отвлекали К. Н. Сербину от работы над диссертацией. Вернуться к работе помогла, как ни странно, болезнь: вынужденная провести некоторое время дома и тем самым освобожденная от административных институтских забот, она «выявила и перечла» все, написанное о Тихвине, подведя к 7.01.45 г. следующий итог: готовы 6 глав работы (о внутренней и внешней торговле,²⁹ о ремесле, о борьбе с Тихвинским монастырем, о формировании населения, о повинностях и об участии в отражении шведской интервенции), а также предисловие: в общей сложности примерно 20 п. л. «Мне представляется, что основные части работы написаны, остается продумать их и найти тот стержень, на который все они м. б. нанизаны <...> Вся беда в том, что эта тема надоела мне, но это необходимо преодолеть <...> меня затрудняет архитектоника — построение самой книги, а не содержание ее, которое представляется мне ясно и уже существует в природе в виде отдельных глав — очерков, но как все это скомпоновать?» (7.01.45 г., л. 169 об.—170 об.). Работа и поиск сквозной темы-стержня продолжались: «И пишу, пишу без конца. Настроение бывает разное, то верю в свою победу, то отчаиваюсь» (23.01.45 г., л. 172 об.), «По вечерам усердно тружусь над Тихвином, дело идет, но стержня пока еще нет» (1.02.45 г., л. 175 об., о том же — 14.02.45 г., л. 179), «Тихвином занимаюсь почти ежедневно, но только ночью. За февраль много написала» (3.03.45 г., л. 181 об.). Вероятно, именно в это время текст будущей диссертации оформляется окончательно, и, хотя, текущие дела института³⁰ (в первую очередь по подготовке к изданию Русской Правды) занимают в переписке центральное место, а Тихвин почти не упоминается, в декабре К. Н. Сербина уже могла написать: «Последние 2 недели правила текст 2 глав Тихвина, вернувшихся ко мне от машинистки, это ок. 10 п. л.» (4.12.45 г., л. 219 об.). Летом 1946 г. она замечала, что может «счесть работу оконченной и заняться предисловием», найден был и искомый «стержень» — «двойственный характер жителей Тихвинского посада: юридически они крестьяне Тихвинского монастыря, а по своим занятиям —

Сигизмунд Натанович Валк — ученый и человек // Вопросы истории. 1988. № 12. С. 31–46; Ганелин Р. Ш., Чернуха В. Г. С. Н. Валк (1887–1975) // ВИД. СПб., 1998. Т. 26. С. 299–316.

²⁸ Исаак Уриелевич Будовниц (1896–1963) — историк, в 1938–1958 гг. ответственный секретарь, а затем редактор «Исторических записок». О нем см.: Устюгов Н. В., Буганов В. И. Исаак Уриелевич Будовниц (1897–1963) // Исторические записки. 1963. Т. 74. С. 286–297.

²⁹ См.: Сербина К. Н. Внутренняя торговля Тихвинского посада в XVII в. // Исторические записки. М., 1947. Т. 25. С. 104–134.

³⁰ В 1945–1947 гг., после упразднения должности уполномоченного, К. Н. Сербина была и. о. заведующего и зам. заведующего ЛОИИ. См.: Алексеев Ю. Г., Семенова Л. Н. Ксения Николаевна Сербина (1903–1990). С. 83.

торгам и промыслам — горожане» (6.07.46 г., л. 246). Защита диссертации, однако, состоялась лишь 22 декабря 1948 г.³¹

Другое направление исследовательской работы ученого в этот период — «Книга Большого Чертежа». Впоследствии К. Н. Сербина вспоминала, что этот источник интересовал ее еще со студенческих лет и по окончании университета, уже работая в системе АН, она «во внеслужебное время под его (А. И. Андреева. — В. А.) руководством начала заниматься „Книгой“, а затем в 1950 г. подготовила ее к изданию».³² В ее отчете о научной работе за первую половину 1940 г. значилось: «Январь–май „Карта Московское государство конца 16–начала 17 вв. по данным Книги Большого чертежа“ и статья „Книга Большого чертежа как исторический источник“ <...> карта и статья сданы 1.04 <...> но дорабатываю и статью о Книге Большого чертежа из-за ее обсуждения 10.05.40 г.».³³ В любом случае, к 1941 г. работа о Книге, в целом, в отличие от работы над историей Тихвинского посада, вероятно, уже была закончена. Упоминания о ней в переписке связаны в основном с делением уже готового материала на отдельные статьи и их публикацией. Судя по всему, к осени 1942 г. текст работы был передан в Москву, так как 14.10.42 г. К. Н. Сербина просила у А. И. Андреева: «Может быть, Вы при случае узнаете у Тихомирова, какова судьба моей „Книги Большого чертежа“ и если окажется возможным, то протолкнете ее. Это самая моя любимая работа, и мне бы было очень жаль, если бы она никогда не была опубликована» (л. 34). Ясности в этом отношении не наступило и в следующие месяцы, так как просьба была повторена и в письмах от 28.01 и 15.02.43 г. (л. 54 об., 60 об.). К весне встал вопрос о месте публикации материалов: обсуждалась возможность опубликования в «Известиях» Всесоюзного географического общества (5.05.43 г., л. 70) или же «Исторических записках». В начале апреля К. Н. Сербина обещала прислать в Москву «при первой же возможности» 4 своих работы, в том числе и о Книге. «Все эти работы целиком отданы в Ваши руки — стоят, печатайте, нет — бросайте» (8.04.43 г., л. 78 об.). В том же письме она намечала и план будущей публикации: 4 коротких статьи или 2 длинных, отдавая предпочтение последнему варианту (тогда

³¹ См.: *Сербина К. Н.* 1) Очерки из социально-экономической истории Русского города (Тихвинский посад в XVI–XVIII вв.): Тезисы дисс. ... д-ра ист. наук. Л., 1948; 2) Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI–XVIII вв. М.; Л., 1951. Оппонентами на защите выступили С. В. Бахрушин, С. Н. Валк и И. И. Смирнов. См.: ПФА РАН, ф. 133, оп. 5, ед. хр. 12 (дело о принятии в докторантуру). См. также: *Алексеев Ю. Г., Семенова Л. Н.* Ксения Николаевна Сербина (1903–1990). С. 87–89.

³² *Сербина К. Н.* А. И. Андреев — ученый и педагог. С. 363. Издание «Книги»: Книга Большому Чертежу / Подгот. к печати и ред. К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950. Подготовленное исследование вошло в данное издание в качестве «Введения». См.: С. 3–46. Электронный вариант издания доступен на сайте: <http://matteuccia.narod.ru/rasnoc/bigdraft> (ссылка последний раз проверялась 02.05.09 г.).

³³ ПФА РАН, ф. 133, оп. 1, ед. хр. 1575, л. 3, 52.

же, л. 80). Он в итоге и был реализован, статьи появились в «Исторических записках», но только в 1945 и 1947 гг.³⁴

Наконец, третья тема исследований этих лет — работа над Архангелогородским летописцем. Летописание, равно как и вопросы исторической географии, привлекло внимание К. Н. Сербиной еще во время учебы в университете. В 1936 г. она вошла в состав созданной тогда же при ЛОИИ «бригады по изданию летописей и исторических повестей и сказаний»,³⁵ вероятно, тогда же началась и ее работа над Архангелогородским летописцем. Как отмечали Ю. Г. Алексеев и Л. Н. Семенова, на «первом этапе работы над этим летописцем Ксения Николаевна пользовалась постоянной помощью и поддержкой М. Д. Приселкова, вплоть до его кончины в 1941 г.»,³⁶ однако опубликовать работу тогда же не удалось: проекты издания летописей, основанного на новых принципах, разработанных М. Д. Приселковым, не нашли поддержки у руководства института.³⁷ Впоследствии у К. Н. Сербиной были все основания написать: «Как бы мне хотелось принять участие в работе, которая бы увидела свет, а то все то, что я делала и делаю, как-то оказывается запрятым в ящик стола» (26.04.45 г., л. 192). Новая возможность публикации исследования появилась лишь в военное время. Еще 15.02.43 г. в списке ее работ, готовых к публикации, упомянута была и «старая работа об Архангелогородском летописце, представляющая интерес по методу работы (увязка формы истор. летоп. свода с конкр. ист. действительностью) и потому что Архангелогородским летописцем пользовались и пользуются исследователи, не подвергая критическому анализу его показания» (л. 61), а несколько месяцев спустя она добавляла, что хотела бы опубликовать именно эту свою работу, «чтобы не совсем заглохло летописное дело и приселковский метод изучения летописей» (08.04.43 г., л. 78 об.). В декабре того же года, узнав о создании в Москве в Институте истории СССР сектора Вспомогательных исторических дисциплин, Сербина писала Андрееву: «Не пригодится ли в этом секторе моя совершенно готовая и в свое время одобренная М. Д. Приселковым работа по Архангелогородским летописцам — текст, комментарии и вступительная статья?» (18.12.43 г., л. 137 об.). Уже 26.10.44 г. она де-

³⁴ Сербина К. Н. 1) Книга Большого чертежа и ее редакции // Исторические записки. М., 1945. Т. 14. С. 129–147; 2) Источники Книги Большого чертежа // Исторические записки. М., 1947. Т. 23. С. 290–324.

³⁵ Об этом проекте см. подробнее: *Вовина-Лебедева В. Г.* Н. Ф. Лавров, А. Н. Насонов, М. Д. Приселков и группа по изданию русских летописей 1936 г. // Летописи и хроники. Новые исследования. 2008. М.; СПб., 2008. С. 290–308. О работе над публикацией летописей Археографической комиссии в предшествующий период см.: *Смирнова Т. Г.* Публикация летописных памятников Археографической комиссией 1917–1929 гг. // ВИД. СПб., 2000. Т. 27. С. 228–248. Там же подробнейшая библиография.

³⁶ Алексеев Ю. Г., Семенова Л. Н. 1) Проблемы вспомогательных исторических дисциплин. ... С. 340–354; 2) Ксения Николаевна Сербина (1903–1990). С. 85–87.

³⁷ См.: *Вовина-Лебедева В. Г.* Н. Ф. Лавров, А. Н. Насонов, М. Д. Приселков... С. 304–308.

лала на эту тему доклад в группе русской истории ЛОИИ: «С. Н.,³⁸ читавший его дома, дал неожиданно хорошую оценку. Романов³⁹ во все время доклада мирно спал, хотя я временами, чтобы разбудить его, вероятно возвышала голос. Предтеченский⁴⁰ тоже мирно зевал и дремал <...> Одним словом, было скучно и не дало мне никакого удовлетворения». В том же письма она просит включить издание работы в план Археографического сектора на 1945 г. (л. 153 об). Вероятно, готовая работа заинтересовала руководство института, так как уже 4.11.44 г. на имя К. Н. Сербиной от директора института, Б. Д. Грекова, пришла телеграмма с вызовом в Москву, в которой также значилось: «Привезите Архангелогородскую летопись» (5.11.44 г., л. 156). Текст был передан в Москву и обсуждался на заседании новосозданной Археографической комиссии, в ответ на критику работы (по результатам этого обсуждения), высказанную в письме А. И. Андреева, К. Н. Сербина писала: «Я честно не только пересмотрела весь текст Архангелогородского летописца, но и совершенно переделала в 1944 г. исследование о нем. Редакция 1944 г. сильно отличается от редакции 1938 г. Что Вас не удовлетворяет? Ваши замечания, сделанные в 1938 г. и касающиеся привлечения грамот Коллегии Экономии по Устюжскому уезду, я учла еще в 1938 г. и тогда же пересмотрела соответствующие копии. Если память мне изменяет, то просмотр этих копий нового мне ничего не дал». В этом же письме содержится и любопытные замечания ученого о принципах издания русских летописей: «Археографическая комиссия остается на старых позициях, продолжая традицию ПСРЛ давать текст без справочного аппарата, тип издания летописей остается старый, хотя он не удовлетворяет исследователей летописных текстов <...> не при-

³⁸ С. Н. Валк.

³⁹ Борис Александрович Романов (1889–1957) — историк, коллега К. Н. Сербиной по ЛОИИ. 2.06.46 г. она писала о нем А. И. Андрееву: «Из всей русской группы, конечно, самый разумный и интересный человек, несмотря на все странности, Б. А., всем живо интересуется» (л. 242). Переписка их завязалась еще в годы войны, когда Б. А. Романов находился в эвакуации в Ташкенте. О его письмах К. Н. Сербина отзывалась так: «Б. А. пишет содержательнее всех, но очень уж заворачивает» (05.05.43 г., л. 69 об). В конце жизни она выступила с воспоминаниями о нем, см.: *Сербина К. Н.* Из воспоминаний о Б. А. Романове // Проблемы социально-экономической истории России: К 100-летию со дня рождения Б. А. Романова. СПб., 1991. С. 54–56. О Б. А. Романове подробнее см.: *Валк С. Н.* Борис Александрович Романов // *Валк С. Н.* Избранные труды по историографии и источниковедению: Научное наследие. СПб., 2000. С. 107–145; *Панель В. М.* 1) Творчество и судьба историка...; 2) Еще об оставлении Б. А. Романова при Петербургском университете для подготовки к ученой степени // Страницы российской истории: Проблемы, события, люди: Сб. статей в честь Б. В. Ананьича. СПб., 2003. С. 314–319; 3) Учитель и ученик: Александр Евгеньевич Пресняков и Борис Александрович Романов // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 395–609; 4) Борис Дмитриевич Греков и Борис Александрович Романов // Государство и общество в России XV–начала XX века: Сб. статей памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007. С. 471–488.

⁴⁰ Анатолий Васильевич Предтеченский (1893–1966) — историк, коллега К. Н. Сербиной по ЛОИИ. Подробнее о нем см.: А. В. Предтеченский: Из творческого наследия. СПб., 1999.

знаете ли Вы целесообразным одновременно с печатанием текста летописи печатания и исследования о нем, т. к. каждому готовящему текст того или иного летописца приходится проделывать колоссальную работу над ним и жаль погребать ее и заставлять исследователей снова проделывать эту страшно трудоемкую работу» (06.04.45 г., л. 189 об.–190). После некоторых проволочек (работа перешла в издательском плане с 1945 на 1946 г.) она все же была опубликована,⁴¹ а в 1950 г. в свет вышел и сам текст летописца.⁴²

Еще одна немаловажная тема переписки — деятельность М. И. Стеблин-Каменской и К. Н. Сербиной как уполномоченных по ЛОИИ.⁴³ После эвакуации института из числа сотрудников в Ленинграде остались лишь М. И. Стеблин-Каменская (уполномоченный), К. Н. Сербина (старший научный сотрудник) и А. К. Туманова (технический работник). Необходимо было привести в порядок текущие дела института и, самое главное, его архив. В августе 1942 г. К. Н. Сербина писала: «Я бываю в И-те каждый день с 10–6 ч. и за весь месяц ни одной секунды не удалось посвятить научной работе, т. к. администрация института (всех созывов) оставила И-т (и помещение и все дела) в таком виде, что можно подумать, что в нем хозяйничали орды Гитлера. Нет слов для описания состояния дел в И-те. Я возмущена до глубины души. И такой беспорядок был оставлен на одного человека (С.-Кам.), я ведь осталась и закре-

⁴¹ *Сербина К. Н.* Устюжский летописный свод // Исторические записки. М., 1946. Т. 20. С. 239–270.

⁴² Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) / Подгот. текста и ред. К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950. Впоследствии, уже в конце 1970–начале 1980-х гг., К. Н. Сербина вновь вернется к этой теме и посвятит ей целый цикл работ, завершением которого станет ее последняя, опубликованная при жизни монография, см.: *Сербина К. Н.* 1) Устюжское летописание XVI–XIX вв. (Краткий обзор списков) // ВИД. Л., 1979. Т. 11. С. 42–48; 2) Устюжские летописи о восстаниях в Устюге Великом в XVI–XVII вв. // ВИД. Л., 1981. Т. 12. С. 60–66; 3) Устюжское летописание XVI–XVIII веков. Л., 1985. Ею же будет подготовлено (в 37-м томе Полного собрания русских летописей) и новое издание устюжских летописей, с учетом всех введенных к тому моменту в научный оборот списков: Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. [Составители д. и. н. Н. А. Казакова, д. и. н. К. Н. Сербина. Редактор тома д. и. н. К. Н. Сербина]. Л., 1982.

⁴³ В целом о судьбе ЛОИИ в годы войны см.: *Цамутали А. Н.* Историческая наука и Великая Отечественная война (По материалам СПб. ФИРИ РАН) // Ленинградская наука в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1995. С. 33–43. А также соответствующие разделы в обобщающих трудах: *Соболев Г. Л.* Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. ...; *Кольцов А. В.* 1) Ученые Ленинграда в годы блокады (1941–1943). М.; Л., 1962; 2) Ленинградские учреждения Академии наук в годы войны и блокады // Наука и ученые России в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: Очерки. Воспоминания. Документы. М., 1996. С. 24–47; 3) Ленинградские учреждения АН СССР в 1934–1945 гг. СПб., 1997. С. 88–187. О роли исторической науки в военные годы см.: *Бурдей Г. Д.* 1) Социальные функции советской исторической науки в годы Великой Отечественной войны: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1990; 2) История и война, 1941–1945. Саратов, 1991. Саратовский историк Г. Д. Бурдей (1919–1999) дважды (в 1992 и 1994 гг.) обращался к материалам интересующего нас дела, однако в известных нам его трудах они использованы не были. Вместе с тем заметим, что полный список его печатных трудов, опубликованный в 18-м выпуске саратовского «Историографического сборника» в 1999 г., остался нам недоступен.

пилась за И-том случайно. Не оставили даже уборщицу, чтобы выгрести всю грязь, которая накопилась там за год <...> Все столы, шкафы приходится взламывать (это моя новая профессия), т. к. нельзя найти ключи. Все находишь чисто случайно и в совершенно неожиданных и неподходящих местах, напр., рукопись Тарле (единственный экземпляр)⁴⁴ за шкафом в пыли, паутине, грязи; опись архива (А.И.В.) среди сорных бумаг, и т. д. Каждый день делаешь открытия» (16.08.42 г., л. 29 об.). Эта работа отнимала не только много времени, но много душевных сил, не давали покоя мысли о погибших товарищах: «Невольно чувствуешь себя каким-то могильщиком» (30.09.42 г., л. 31 об.), «в пустых комнатах института, среди столов умерших товарищей, чувствую себя как на кладбище, какой-то заживо погребенной» (14.10.42 г., л. 35 об.).⁴⁵ На приведение в порядок текущих дел ушло почти два с половиной месяца. Зачастую самые ценные материалы удавалось спасти почти случайно: так, например, часть комментария к третьему тому Русской Правды была найдена «в грудe бумаг в одном из ящиков стола Валка. Остальную часть Комментария удалось буквально по одному листочку собрать и подобрать в хаосе бумаг Лаврова»⁴⁶ (тогда же, л. 35). Тогда же встал вопрос и о дальнейшей судьбе архива ЛОИИ: эвакуировать ли его или оставить в городе? Как следует из писем, телеграмма с соответствующим вопросом была направлена Б. Д. Грекову. Сама К. Н. Сербина склонялась к мысли о необходимости хранения архива в самом городе, в цоколе БАН, считая дорогу более опасной. Так в итоге и произошло. Зимой 1942 г. она констатировала: «Сейчас архив и архив канцелярии приведены в порядок, имущество ЛОИИ заинвентаризовано <...> в помещении ЛОИИ все время ниже нуля. Мария Ивановна наконец согласилась со мной, и мы с 11.12 перекочевали в главное здание, где более или менее тепло»⁴⁷ (15.12.42 г., л. 43). 20.03.43 г. умерла М. И. Стеблин-

⁴⁴ Имеется в виду рукопись монографии академика Е. В. Тарле (1874–1955) «Крымская война», впервые опубликованной в 1943 г.

⁴⁵ Всего во время блокады в Ленинграде умерли 470 сотрудников Академии наук, от голода погибли не менее 26 сотрудников ЛОИИ. См.: *Кольцов А. В.* Ленинградские учреждения Академии наук в годы войны и блокады. С. 43. О погибших сотрудниках ЛОИИ см.: *Алатова В. Д.* Обзор фондов ученых-историков...

⁴⁶ Николай Федорович Лавров (1891–1942) — историк, специалист по истории русского летописания. Умер 14.01.42 г. Его сотоварищ по учебе в университете, Г. А. Князев, записал в своем блокадном дневнике: «За страшную черту перешел в начале января. Ослабевши, лежал беспомощным полумертвецом, покауда жизнь не оборвалась окончательно». Цит. по: *Кольцов А. В.* Ленинградские учреждения АН СССР в 1934–1945 гг. С. 117. Монография Н. Ф. Лаврова о русском летописании XIV–XV вв. была закончена перед войной, но погибла в разбомбленном доме ученого. См.: *Вовина-Лебедева В. Г.* 1) Н. Ф. Лавров, А. Н. Насонов, М. Д. Приселков... С. 296, примеч. 11; 2) Николай Федорович Лавров — исследователь летописания и критик А. А. Шахматова // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* 2008. № 3 (33). С. 16–17.

⁴⁷ Ср.: «Большие трудности выпали на долю сотрудников БАН СССР. В декабре 1941 г. в результате бомбардировок ее в здании было разбито около 30 % стекол в окнах. Очень тяжелым <...> стал день 14 февраля 1942 г. В этот день, в 14 часов, здание БАН было поражено 3 снарядами; один из них упал на угольный двор, второй ударил в главный

Каменская и вскоре уполномоченным по делам института была назначена К. Н. Сербина. Именно на нее легла обязанность по подготовке реэвакуации сотрудников и реализации массы текущих административных дел. Работа была грандиозной, но К. Н. Сербина справилась с ней безупречно. Лишь однажды, уже в самом конце войны, накопившиеся усталость и раздражение дали о себе знать, тогда она писала А. И. Андрееву: «И Вам и дирекции представляется, что на К. Н. можно взвалить все и директорство, и научную работу, и приведение в порядок архива, и хоз. дела и т. д. и т. д. Надо же учитывать и силы человека (я не говорю уже о его интересах) и обстановку и особенности людей, с которыми приходится работать <...> Я готова работать на любом участке работы, но работать за всех лентяев я не могу и не хочу, тем более, что работы делается все больше и больше. Когда я была в Ленинграде одна, тогда я, естественно, должна была делать все, теперь же здесь 21 человек, которые, кстати сказать, все эти годы абсолютно ничего не делали и теперь норовят продолжать то же <...> Я готова перейти в архив, но быть прислугой за все больше быть не хочу» (01.02.45 г., л. 174). В ней говорили не только обида за прошлое (ср.: «Теперь, видите ли, надо восстанавливать былой авторитет, разрушить который стремились всеми силами, и с помощью тех людей, которых в августе 41 г. можно было выгнать из института»; 18.12.43 г., л. 137 об.), но и преданность институту, который на самом деле «был для нее и местом работы, и домом»⁴⁸ (ср.: «к И-ту, в котором я работаю 15 лет, где я выросла и достарилась, я бескорыстно предана. Вы, Александр Игнатьевич, сумели в свое время привить нам, „молодежи“ — мне, Н. С. [Чаеву], Р. Б. [Мюллер], Г. Л. [Гейрмансу], любовь к институту и внушить чувство ответственности за его сокровища. Поэтому я так тяжело переживала свое увольнение из и-та в августе 1941 г., произведенное совершенно случайными для института людьми, и сейчас так терзаюсь за и-т, легкомысленно покинутый на произвол судьбы»; 01.07.43 г., л. 98).

Таковы лишь некоторые из тем, нашедших отражение в письмах К. Н. Сербиной А. И. Андрееву военного времени. Кроме них можно отметить и переговоры с И. А. Бычковым о возобновлении издания «Писем и бумаг императора Петра Великого», и заседания сессии научно-исследовательской группы, созданной при Институте этнографии, и судьбу подготовки третьего тома Русской Правды и многое другое. Представляется, что этот источник может быть чрезвычайно ценен для дальнейших исследований не только по истории исторической науки середины XX в., но и в работах, посвященных судьбе и творчеству выдающихся отечественных историков А. И. Андреева и К. Н. Сербиной.

фасад, а третий — в крышу центрального корпуса. Чердак центрального корпуса получил пробиву размером около 3 м. Здание лишилось 75 % стекол. В марте 1942 г. артобстрелы нанесли еще больший ущерб БАН. Температура в здании порой доходила до -25 С). Цит. по: Кольцов А. В. Ленинградские учреждения АН СССР в 1934-1945 гг. С. 127.

⁴⁸ Алексеев Ю. Г., Семенова Л. Н. Ксения Николаевна Сербина (1903-1990). С. 84.

SUMMARY

In the collection of documents of A. I. Andreev the eminent Russian historian of the XXth century that is stored in Saint–Petersburg Branch of the Archive of Russian Academy of Science we find the letters which were addressed to him by his disciple K. N. Serbina a great authority in the Russian history of the XVI–XVIIth centuries. The main part of these letters was written during the Great Patriotic War. All these years K. N. Serbina stayed in Leningrad. Many significant events of that time found the reflection in her letters, such as the life of the besieged city, the development of science in the years of war, the research work of K. N. Serbina, the life of the Academy of Science; we can also find the characteristics of her prominent contemporaries. It seems very important to remark that up to our days these letters haven't attracted the attention of the historians. The idea of the article is to give the brief characteristic of the main themes of these letters that can be regarded as a significant historical source.